

Солженицын: при первочтении

СЛОВО СКАЗАНО...

Вег. Москва - 1990 - 21 сент.

18 сентября «Комсомольская правда» 22-миллионным тиражом и «Литературная газета» тиражом почти 4,5 миллиона экземпляров издали в виде брошюры труд А. И. Солженицына «Как нам обустроить Россию (последние соображения)». Уже к 10 часам утра найти в киосках Москвы эти публикации было невозможно.

Кто нынче с тем же правом, как вермонтский отшельник, вермонтский мудрец, может обратиться к нам с советом? Кто с тем же правом может отбросить недомолвки, полуправду, что и доселе заменяют нам, как необходимый наркотик, действительность, и сказать достаточно сурово — ибо сурова правда о нашей жизни: что за миг истории, в котором пребываем, и что нас ждет, если не помудреем, не поостережемся? А пожалуй, никто, кроме него, изгнанного пророка из своего Отечества, однако ж и по сей день живущего им и для него. Ни разу в статье — «вы», «у вас там», всегда только — «мы», «у нас».

Прочтя одним духом, начинаешь опять, проникая уже в глубины каждой строки:

«Часы коммунизма — свое отбили.

Но бетонная постройка его еще не рухнула.

И как бы нам вместо освобождения не расплющиться под его развалинами».

Все — правда. Что мысль — то с красной строки: первая — прошлое, вторая — настоящее, третья — будущее ли? А дальше трудное слово молвлено: не жить, не быть более империи, прежнему Союзу, а мирней и открытой — кому надо бы разойтись на отдельную жизнь, так разойтись.

К первым — самым своим — великороссам — обратился Александр Исаевич хоть с требовательным, но отеческим призывом: освободиться от имперского дурмана, «вымертвляющего собственный народ», не заноситься, как прежде, в гордости да планах, заняться своей Россией.

Затем — слово к украинцам и белорусам, коим не след забывать об одном с русскими корне, о драгоценном киевском истоке. И хоть видится ему из Вермонта единая Русь — Российский Союз трех республик, да, верно, решать, быть ли тому Союзу, каждому славянскому народу.

Многим из нас представляется будущее огромной страны не совсем так, как Александру Исаевичу. Возлагаем большие надежды на новые экономические отношения, на договоры республик, на экономический их союз (что и значится в программе «500 дней»). Не можем забыть в своей суверенности о ране Карабаха. Не можем не думать, не откажутся ли назад в общественном устройстве, не станут ли несправедливыми к меньшинствам некоторые российские соседи? Не можем так просто зачеркнуть путь, пройденный вместе, — и до сих пор: там аукнется — у нас откликнется.

Не все нам видится так, как у Солженицына. Однако не раз еще вчитаемся в те строки, где он говорит — без привычной нам боязливости, — к чему нам надо быть готовыми на тяжкий случай разделения. Вот пишет о границах, «нарезанных коммунистами без разума, как попадая», а я вспоминаю недавно вычитанное: господа, да всего 18 процентов внутренних границ бесспорны! Начни передел — сколько ошей запыхает? А он настаивает: а если придется прийти к этому, как будете поступать? Решим ли все мирно, по справедливости? И дает совет. Можно не брать его прямой совет, однако задуматься хотя бы над тем, стоит ли начинать передел, надо.

Вот говорит о миллионах, перед которыми встает вопрос: оставлять или уезжать? Беженцы — разор жизни, нужда людей и позор страны. Читаю и думаю: как дошли до такого? А если уж допустили, то почему не поправили, почему люди до сих пор мыкаются бесприютно? 600 тысяч эмигрантов в год принимали США, а мы за несколько лет столько же своих людей не можем хоть как-то пристроить. И снова в уме цифра: 25 миллионов, почти

каждый пятый русский живет за пределами России. Добавить к этому на тяжкий случай русских из той части республики, где все громче кричат о полном национальном суверенитете, — это сколько ж в Москве бездомного народа появится? А в Киеве — с украинцами, в Ташкенте — с узбеками, в Казани — с татарами — не та же картина?

«За что бы ни взялись, над чем бы ни задумались, — пишет Солженицын, — никому не ждать добра, пока жестокая наша воля гонится лишь за нашими интересами, упуская не то что Божью справедливость, но самую умеренную нравственность». Вот эти слова буду писать я в ответах авторам требований очистить Москву от «попонахавших». А писем таких — десятки. Статистикой убедить не могу: писала уже, что Москва, несмотря на то, что столица Союза, довольно однородный в этническом плане город: почти 90 процентов (по последней переписи) — русские. В других крупных городах картина куда более пестрая, в иных коренное население — в меньшинстве. «Не-ет, — не соглашаются, — русских в Москве мало, под русских пишутся!». Ну а в Киеве — под украинцев, в Алма-Ате — под казахов, в Таллинне — под эстонцев, так, что ли? Сколько же тогда населения страны «замаскировано»? Треть? Половина? Так думать — «никому не ждать добра».

«За реформы мы беремся как похуже», — горький вывод писателя. И это правда. Вон депутат Сухов год страждает нас капитализмом, на два фронта оборону держит — и в парламенте сражается, и своим избирателям доказывает: заживем, как люди в нормальных странах, — пропадем. Вон Стародубцев грудью встает против фермерства, а урожай стал чуть ли не все-народным бедствием — убрать не можем. Кое-где из-за обилия земных даров ввели даже особое или чрезвычайное положение. Зато да здравствуют колхозы и Стародубцев — во их главе! А голос из Вермонта: дайте людям землю! Да и повсюду: дайте людям экономическую свободу, и засверкают наши умельцы.

Дальше Александр Исаевич рассказывает, как поднять поверженную гибельной идеологией нравственность и особо останавливается на перестройке государственного, властного устройства. Об этом уже и у нас говорят открыто, а многие депутаты вполне могут быть зачислены в «антисоветчики», так остро критикуют нынешнюю систему с ее сельскими, поселковыми и районными «парламентами», с миллиардными убытками на их содержание.

Солженицын ставит под сомнение все демократические основы выборов — и тайные, и прямые, и всеобщие, и равные. Слов нет, интересны эти его размышления, однако заметил кто-то: демократии присуща такая масса недостатков, что надо бы ее заменить, да дело в том что все другое — еще хуже. Может, наивны мои раздумья, например, над предложением Солженицына выборы земства первой ступени проводить просто на площади. А только

представляю себе где-то в российской провинции митинг у памятника Ленину под водительством, конечно же, секретаря райкома. Как вы думаете, кого вот так привселюдно выберут, если известно, что дрова на зиму, корма для коровы, надел земли под картошку, устройство сына на работу, а внука в ясли — все это зависит от местного начальства? Куда ж пока нам деваться от «тайного»?

Земства повыше выбираются, по Солженицыну, земствами местными, областные — из числа нижних, и так до самого верха. Тогда, мол, не проникнет в руководство незнакомый избирателям человек. Но с нынешней информационной системой помыслы депутатов известны нам более, чем сослуживца из соседней комнаты. Да и не даст своего права на прямое голосование народ никому, не верит уже наш человек не то что выбранному на площади местному начальству, а и брату или свату. Сам будет голосовать — хоть в район, хоть в область, хоть в республику. Вот, думаю: а не был бы нынче Президентом России И. Полосков, если бы не давление на российский парламент народа? Что ж, каждый раз при выборах ждать смуту, вместо этого самого «прямого»?

Высший народный орган — третья палата, Дума, как называет его Солженицын, составленный от сословий — по профессиям и отраслям приложения труда. Войдут туда лучшие, грамотнейшие представители своих отраслей. Мне кажется, что может в таком разе стать Дума вторым Советом Министров, где каждый старается «урвать» побольше для своей отрасли, поменьше в ней меняя.

Правда, Александр Исаевич постоянно подчеркивает: эти все предложения — на «подальше вперед», на будущее, когда общество разовьется. И заканчивает-то он статью малой главкой (мол, разговор не кончен, жизнь богаче наших предположений): «Давайте искать».

А искать надо — жизнь подкашивает, что нынешняя система Советов, власти требует пересмотра, тем более для выполнения программы перехода к рынку. А иначе как бы не получилось: район — в лес, область — по дрова, один — за фермера, другой — только за колхозы. Искать надо — и не только в истории, как предлагает Солженицын, но и в сегодняшнем нашем дне, и в зарубежном опыте. Не все же тропинкой петлять у скоростной международной магистрали.

Много еще предстоит нам думать над страницами документа, пришедшего из Вермонта. Спасибо Солженицыну за его последние соображения (как ненавязчиво сказано), боль за Россию. Голос Александра Исаевича, так жданный, услышан. Вся Москва читала утром 18-го его совет «Как нам обустроить Россию». А если не все в точности с советом сделаем, то ведь нынче каждый россиянин — «сам с усами», учится еще и свою голову на плечах иметь. Дай Бог, чтобы сделали не хуже, чем в совете Солженицына.

Н. МАРИНИЧ.